

Zdroj: Litěraturovědčeskij slovar. Dostupné z:

<http://feb-web.ru/feb/slt/abc/lt2/lt2-6584.htm>

ПРОЛЕТАРСКИЕ ПИСАТЕЛИ. Пролетарскими называют не только тех писателей, которые по своему происхождению, профессии, быту, мироощущению, идеологии принадлежат к пролетариату, но также и тех немногих выходцев из других классов, которые, как белые вороны, резко отделяются от своей социальной среды, порывают с ней, переходят на точку зрения пролетариата и в своих произведениях отражают его интересы. Начиная с Екатерининского века и кончая революцией 1917—22 г.г., в русской литературе резко и отчетливо обозначился процесс демократизации в связи с демократизацией страны в самой тесной причинной зависимости от превращения дворянски-крепостнического строя в буржуазно-капиталистический.

Вторая половина 90-х годов связана с растущим влиянием на русскую литературу городского революционного пролетариата, борьба которого против «незыблемых основ» закончилась всеобщей стачкой 1905 г. и привела к революции или, по выражению манифеста 17 октября, к «неслыханной смуте». В эти годы господствующие в литературе

крайне индивидуалисты переходят к соборности, к воспеванию восстаний масс, Бальмонт переводит Уитмэна, пишет «Песни мстителя», Минский сочиняет «Гимн пролетариата» и вступает в редакцию социал-демократической большевистской газеты, В. Брюсов переводит Эмиля Верхарна и пишет гимны «Толпе» и даже Ф. Сологуб, охвачен трепетным смятением, покинув тесный свой шалаш, спешит к проснувшимся селеньям, кричит: «товарищи, я ваш». Если перестройка и ломка 1861 г. выдвинула разночинцев, то перестройка и ломка 1905—17 г. выдвинула вместе с революционным пролетариатом и пролетарских политических деятелей и пролетарских писателей. После 1905 года родился массовый многомиллионный читатель рабочих предместий и окраин и вместе с тем и в литературу хлынул целый поток пролетарских и новокрестьянских писателей. Энергичный лирик Максим Горький явился в 1892 году предтечей целого течения. Начиная с 1905 до 1922 года выступили сотни пролетарских писателей, из этих сотен, путем отбора, выделились очень немногие ярко одаренные, которые вошли в литературу и хотя не выработали своего стиля, но уже внесли свой материал, свои темы, свой словарь, свои приемы, свои настроения и свою идеологию. В поэзии, беллетристике, драме, критике выдвинулись пролетарские писатели: в поэзии — В. Кириллов, М. Герасимов, В. Александровский, В. Казин, Гастев, А. Макаров, Ив. Филлипченко, С. Малашкин, М. Артамонов, Полетаев, Страдный, Анна Баркова, Самобытник, Поморский, Садофьев; в беллетристике — Н. Ляшко, А. Бибик, А. Чапыгин, Всеволод Иванов, Михаил Волков, Жуков, Бессалько, Сивачов, Новиков-Прибой, Лебединский, Гладков; в критике выдвинулись Калинин, Ив. Кубиков, Плетнев. Мы умышленно не упоминаем новокрестьянских писателей — Ив. Вольнова, Неверова, Клюева, Ширяевца, С. Есенина, Клычкова, П. Орешина. Было бы большой ошибкой всех поэтов, выдвинутых революцией, представлять однородными частицами одного потока. Новокрестьянский поэт Клюев не даром писал о трех жребиях,

которые приходится выбирать добру молодцу на распутьи: или быть лапотником, тихомудрым черным пахарем, или грезить о рае, высоком мысленном, или стать

фабричным горемыкою и «духом *ожелезиться*». Эти разные жребии вы сразу заметите в *песнях-думах* пахаря-лапотника и в *мятежных гимнах* борца-пролетария.

Один — «нежный отрок», «инок», он нежно грезит: «песня, луг, реки затоны, эта жизнь мне только снится, свет от розовой иконы, на золотых моих ресницах». Другой, «рядовой пролетарского строя», в свой победный гимн влагает «торжествующий и пламенный призыв». Он посвящает свой призыв тем, которые идут «железными рядами», «*железной ратью*», которые получили свое крещение «в купели *чугуна*». У звонких станков и пылающих горнов он кует «свои железные цветы» и несет их тем, которые говорят о себе: «мы растем из *железа*». Вчерашний крестьянин, овейный полями, после крещения в купели чугуна чувствует себя иным. Становясь поэтом, он постепенно отрешается от деревенского и сознает, как у него, городского жителя, «*осталенною стала золото-соломенная струна*». Когда-то Гоголь делил поэзию народа на поэзию *звуков*, поэзию поэзии и на поэзию *мыслей*. Это деление само собой напрашивается, когда слышишь звучную песнь пахаря, проникнутую полевыми настроениями, и читаешь стихи «сознательного» пролетария, охваченного идеей социального переустройства. Один говорит: «из *трав* мы вяжем книги» и в этих книгах звучит «псалмов высокий лад», другой, «рожденный вдохновеньем масс», приходит среди лязга железа и стали, среди грохота молотов и гуденья гудков, как «певец мятежного движенья». Быт, мироощущение, идеология пахаря, испытывающего на каждом шагу власть земли, власть стихии, связаны с земледельческим укладом и поэзией земледельческого труда, и героем этой поэзии является пахарь, «слуга и работник», «сам друг с сохой». Быт, мироощущение, идеология пролетария, стремящегося овладеть машиной, связаны с современным промышленным городом, с творчеством масс, с коллективом,

с динамикой жизни, с сознательным отношением к социальному строю.

Все это не может не отразиться на поэзии пролетарского коллективного труда, проникнутой рационализмом. Новокрестьянские поэты идут от безыскусственной народной поэзии, а также и от поэтов Д. Кольцова, А. Блока, А. Белого, пролетарские поэты идут от принципов научного социализма и от поэзии Верхарна, Уитмэна, В. Маяковского. Новокрестьянские поэты говорят языком народа и цветущей *земли*, пролетарские — языком *книг*. Если сравните стихи Клюева, С. Есенина, Ширяевца, Тисленко, Пимена Карпова, С. Фомина, С. Клычкова со стихами М. Герасимова, Казина, Кириллова, Александровского, Самобытника, Полетаева, Филипченко, Поморского, Макарова, Доронина — вы сразу заметите два социальных уклада, два разных подхода к жизни и творчеству. Когда говорят о пролетарских писателях, о пролетарской поэзии, разумеют неопределенную школу, а представителей определенного социального течения, которые принадлежат к разным литературным школам. Начиная с 1900-х годов до наших дней в творчестве пролетарских писателей можно наметить четыре периода. Первый период связан с выступлением на историческую арену широких рабочих масс, массового читателя рабочего и *массового писателя-самоучки*, который пишет в свою рабочую газету обличительную корреспонденцию в стихотворной форме. В рабочих газетах 1905—1914 г.г. печатались тысячи таких стишков, которые забывались с прочитанным номером газеты, да интерес представляли они лишь для рабочих той мастерской, того цеха, в которой работали и автор-обличитель, и тот мастер, которого «пропечатали» в газете. Такой *массовик-рабочий* писал в газетах, «кое-как» и «кое-что» о тяжком положении рабочих, писал для серой массы, почувствовавшей значение газеты и гласности. Второй период связан с

выступлением на первый план рабочей интеллигенции, представителя *передового слоя, подлинного поэта-социалиста*. Рабочие поэты, прошедшие через курсы и народные дома, через лиговский

народный дом Паниной, Смоленские курсы на Шлиссельбургском тракте в Петербурге, или Пречистенские курсы в Москве, уже проникнуты классовым самосознанием и в то же время резко отличаются от поэтов-самоучек *взыскательным и строгим отношением к своему творчеству*. Они участвуют в рабочем движении, как передовые рабочие и работают над усвоением завоеваний общечеловеческих ценностей. Из сотен корреспондентов-обличителей они выделяются творческим поэтическим дарованием. Лучшие из них группируются, вокруг Максима Горького и А. П. Чапыгина, прибывшего из Олонецкой губернии в Петербург и долго работавшего в качестве маляра. С 1913 года эти рабочие социалисты, одаренные поэтическим талантом, начинают выступать в сборниках «Наши песни» (1913), «Первом пролетарском сборнике» (1914, в изд. Прибой), в «Пролетарском сборнике», изд. Парус (1917). В этот период в разных сборниках и толстых журналах («Современный мир», «Наша заря», «Дело», ежемесячный журнал Миролубова) выступило свыше 50 поэтов и беллетристов. Среди них были Герасимов, Кириллов, Самобытник, Поморский, Филипченко, Аксень-Ачкасов (Садофьев), Ляшко, Бибик, Всеволод Иванов, Ив. Кубиков, Ф. Калинин. Начиная с 1917—19 г. творчество пролетарских писателей идет под знаком революции 1917 г. и *под лозунгом диктатуры пролетариата*, провозглашенным господствующей коммунистической партией. Этот третий период носит *боевой* характер, творчество становится лозунговым. Пролетарские писатели в большинстве *примыкают к господствующей партии и подчиняются партийной дисциплине*. Творческую интуицию у них заменяет писание стихов под диктовку декретов. «Сегодня продрозверстка, а завтра продралог». В период продрозверстки, в период национализации промышленности, в период разрушения старого, пролетарские писатели, в особенности, из Петроградского Пролеткульта склонны были отрицать всю работу предшественников. Отвергая всякие «соглашения» с буржуазными писателями, буржуазной эпохи, они уверены, что в самое короткое

время создадут пролетарскую культуру, пролетарскую литературу. «Во имя нашего завтра сожжем Рафаэля, разрушим музеи, растопчем искусства цветы» — провозглашает Кириллов, работавший вначале в Петроградском Пролеткульте. Для создания пролетарской культуры наряду с партией и профессиональными союзами выдвигается сеть пролеткультов. В этих пролеткультах, связанных с фабрично-заводскими культурно-просветительными организациями, воспитываются в студиях артисты, поэты, критики, музыканты, живописцы под руководством специалистов. Уже в 1920 г. на первом съезде пролеткультов говорится о 300 пролеткультах, в студиях этих пролеткультов работают 80.000 студийцев и вокруг пролеткультов, по официальным данным, объединяется 400.000 рабочих. В этот период выпускается свыше 60 коллективных сборников, свыше 100 сборников отдельно выступивших поэтов и свыше 50 книг беллетристов. Пролеткульти возникают в таких местах, как Яранск с 1.000 душ жителей, Усть-Сысольск и т. д., выпускается масса совершенно бездарных, бескусных сборников всевозможных Лукашиных, из Орехова-Зуева и Орла, Грунтав, Мишенькиных, Грошиков и т. д. Каждый пролеткульт спешит показать работу своих студийцев. Сотни плакатных «кузнецов», «зорь», «взмахов», «заводов», «октябрей», десятки сборников, повторяющих отвлеченные готовые лозунги, как по команде, перелагающие в стихи партийные передовицы и усердно занимающие производственной пропагандой. В большинстве сборников поражает отсутствие

подлинного переживания, подлинного творчества и подлинного знания жизни. Но из сотен выдвинулись десятки, горячо и искренно осветившие революционный подъем 1917—18 г.г., воспевшие коммунистический октябрь и охваченные «коммунистической мечтой». По этим-то сборникам в будущем будут узнавать, «чем люди жили,» в 1917—22 г.г. Вождем-идеологом этого периода явился создатель пролеткультов, бывший ткач Ф. И. Калинин, видный партийный деятель, несомненно вдумчивый писатель-критик. Студийная работа

Пролеткультов приобщила к культурной работе широкие массы, дала технические навыки там, где руководителями являлись знатоки своего дела. Но специалисты были непартийны, а партийные были не специалисты. У студийцев, тех, которые становились профессиональными писателями, рождалось острое желание стать мастерами формы, свободно ищущими путей творчества, у многих замечалась погоня за последним криком моды. Началась среди самих пролетарских писателей борьба против «опасностей аракачевщины», как выразился пламенный апостол футуризма, критик-коммунист Чужак в журнале «Творчество» (Чита).

Пролетарские писатели в сборнике «Взмах» (Саратов) говорят о необходимости отрешения от готовых формул и от восторга по заранее намеченной схеме. В 1920 г. происходит первый съезд пролетарских писателей и на этом съезде возникает «Ассоциация пролетарских писателей», захотевших порвать с опекой, и эта ассоциация, объединившая лучших писателей пролетарских в Москве, начинает издавать свой журнал «Кузница». Пролетарские писатели пытаются стать на собственные ноги и «сбросить колпак», надвинутый на глаза опекунами и охранителями лозунговой поэзии. Новая экономическая политика наносит смертельный удар парниковому творчеству на заказ и слишком дорого стоящей опеке. Четвертый период связан с *новой экономической политикой*. Период разрушения уступает место творческой работе и переоценке всех ценностей. Пролеткульты переживают кризис, на 2 всероссийском съезде их насчитывается только 286 и говорят о необходимости максимального сокращения и перенесения их в центры индустриальные, где сосредоточен пролетариат и культурные силы, говорится о централизации издательств и т. д. Если раньше в одной Москве насчитывалось 5.000 студийцев, то теперь их во всей губернии едва лишь 1.127. В 1923 г. число пролеткультов упало до двух десятков, но эти пролеткульты связаны с индустриальными центрами. Пролетарским писателям приходится самим пробивать себе дорогу и выпускать книжку на книжный рынок, конкурируя

с сотней таких же пролетарских писателей. Арена Пролеткульта выселяется в Москве из Эрмитажа и театр сдается частному предпринимателю, помещение клуба «Кузница», в Москве на Тверской, сдается под кондитерскую Абрикосова. Борьба за писательское существование приводит к очень строгому отбору. Уже теперь пуды хлама лежат на полках, а пробивают себе дорогу только такие исключительно одаренные художники, как Всеволод Иванов, этот новый Горький, автор книги «Цветные ветра», очерков «Партизаны», «Бронепоезд № 14—69». Пролетарские поэты переживают в настоящее время растерянность. В студиях, как в банках для консервов, они законсервировались, утратили чутье жизни, непосредственное чувство, искренность переживаний и знание подлинной массы. Все они слишком связаны кружковщиной, живут без свежего воздуха. За немногим исключением страдают бытобоязнью, все они эклектики, подражают не только Верхарну, Уитмэну, Маяковскому, но и Бальмонту и Мариенгофу, и Шершеневичу, и Есенину. Только у Казина, Полетаева, Гастева,

Александровского, Герасимова, Кириллова наметились свои переживания, свои приемы и только они явились подлинно оригинальными поэтами, но, к сожалению, мало продуктивными. Из беллетристов выделился Всеволод Иванов, а еще раньше А. П. Чапыгин, ибо они переросли рамки класса. Н. Н. Ляшко начинает проникаться кружковой риторикой. Мих. Волков повторяется... Но оба они выделяются... Только при овладении культурным наследием прошлого немногие исключительно-одаренные станут первоклассными художниками, творцами общечеловеческих ценностей, творцами нового, подлинно художественного. До сих пор большинство пролетарских писателей оторвано от пролетарских масс и отошли от быта. В переходное время, когда в городе и деревне выковывается новый быт, новым пролетарским писателям предстоит огромная черная работа — изучение новой России, переживаний широких масс. Этой работы они боятся, они уходят в искание формы, в эстетство, прячутся от жизни, но инстинкт самосохранения

подскажет им подлинный путь. Только знание жизни и психологии масс приблизит их к массам и укрепит их позицию в литературе, а без этого пролетарские писатели превратятся в узкую замкнутую касту, в кружок профессионалов-эстетов, литераторов и утратят то оружие, которое давало им силу среди писателей других социальных групп. Будущее пролетарских писателей связано с будущим пролетариата. За 1920—23 г.г. в среде пролетарских писателей идет дифференциация. Возникает ряд новых групп. Одни подчеркивают свою партийность (октябрь), другие свое стремление ближе стать к массам («Рабочая весна», «Молодая гвардия»), третьи выдвигают задачи литературного характера («Кузнецы»).

Быт властно ворвался в поэзию-молодых пролетарских поэтов. Заметен поворот к эпосу, к рассказу. (Безыменский, Лелевич), заметно стремление «простыми словами рассказать о простых вещах». Целый ряд поэтов повернул к Пушкинской простоте. В. Кириллов пишет «Лирическую повесть», Пушкинским ямбом, В. Казин пишет посвящения Пушкину.